

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов
Скорая помощь

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176272

Антон Павлович Чехов

Скорая помощь

– Ребята, пустите с дороги, старшина с писарем идет!

– Герасиму Алпатычу, с праздником! – гудит толпа навстречу старшине. – Дай бог, чтоб, значит, Герасим Алпатыч, не вам, не нам, а как богу угодно.

Подгулявший старшина хочет что-то сказать, но не может. Он неопределенно шевелит пальцами, пучит глаза и надувает свои красные опухшие щеки с такой силой, как будто берет самую высокую ноту на большой трубе. Писарь, маленький, куцый человек с красным носиком и в жокейском картузе, придает своему лицу энергическое выражение и входит в толпу.

– Который тут утоп? – спрашивает он. – Где утопый человек?

– Вот этот самый!

Длинный, тощий старик, в синей рубахе и лаптях, только что вытасченный мужиками из воды и мокрый с головы до пят, расставив руки и разбросав в стороны ноги, сидит у берега на луже и лепечет:

– Святители угодники... братцы православные... Рязанской губернии, Зарайского уезда... Двух сынов поделил, а сам у Прохора Сергеева... в штукатурах. Таперича, это самое, стало быть, дает мне семь рублей и говорит: ты, гово-

рит, Федя, должен тепереча, говорит, почитать меня заместо родителя. Ах, волк те заешь!

– Ты откеда? – спрашивает писарь.

– Заместо, говорит, родителя... Ах, волк те заешь! Это за семь-то рублей?

– Вот этак лопочет и сам не знает по-каковски, – кричит сотский Анисим не своим голосом, мокрый по пояс и, видимо, встревоженный происшествием. – Дай я тебе объясню, Егор Макарыч! Ребята, постой, не галди! Я желаю всё как есть Егору Макарычу... Идет он, значит, из Курнева... Да погоди, ребята, не болтай зря! Идет он, значит, из Курнева, и понесла его нелегкая бродом. Человек, значит, выпивши, не в своем уме, полез сдуру в воду, а его с ног сшибло и зачало вертеть, как щепку. Кричит благим матом, а тут я с Ляксандрой... Чего такое? По какому случаю человек кричит? Видим, тонет... Что тут делать? Бросай, кричу, Ляксандра, к шуту гармонию, мужика спасать! Лезем прямо, как есть, а там вертит и крутит, вертит и крутит – спаси, царица небесная! Попали в самую вертячую... Он его за рубаху, я за волосы. Тут прочий народ, который увидел, бежит на берег, крик подняли... каждому спасать душу желается... Замучились, Егор Макарыч! Не подоспей мы вовремя, совсем бы утоп ради праздника...

– Как тебя звать? – спрашивает писарь утопленника. – Какого происхождения?

Тот бессмысленно поводит глазами и молчит.

– Очумел! – говорит Анисим. – И как не очуметь? Почитай, полное брюхо воды. Милый человек, как тебя знать? Молчит! Какая в нем жизнь? Видимость одна, а душа небось наполовину вышла... Экое горе ради праздника! Что тут прикажешь делать? Помрет, чего доброго... Погляди, как рожа-то посинела!

– Послушай, ты! – кричит писарь, трепля утопленника за плечо. – Ты! Отвечай, тебе говорю! Какого ты происхождения? Молчишь, словно тебе весь мозух в голове водой залило. Ты!

– Это за семь-то рублей? – бормочет утопленник. – Поди ты, говорю, к псу... Мы не желаем...

– Чего ты не желаешь? Отвечай явственно!

Утопленник молчит и, дрожа всем телом от холода, стучит зубами.

– Одно только звание, что живой, – говорит Анисим, – а поглядеть, так и на человека не похож. Капель бы ему каких...

– Капель... – передразнивает писарь. – Какие тут капли? Человек утоп, а он – капли! Откачивать надо! Что рты поразевали? Народ бесчувственный! Бегите скорей в волостное за рогожей да качайте!

Несколько человек срываются с места и бегут к деревне за рогожей. На писаря находит вдохновение. Он засучивает рукава, потирает ладонями бока и делает массу мелких телодвижений, свидетельствующих об избытке энергии и ре-

шимости.

– Не толпитесь, не толпитесь, – бормочет он. – Которые лишние, уходите! Поехали за урядником? А вы бы уходили, Герасим Алпатыч, – обращается он к старшине. – Вы назю-зюкались, и в вашем интересном положении самое лучшее теперь сидеть дома.

Старшина неопределенно шевелит пальцами и, желая что-то сказать, так надувает лицо, что оно того и гляди лопнет и разлетится во все стороны.

– Ну, клади его, – кричит писарь, когда приносят рогожу. – Берите за руки и за ноги. Вот так. Теперь кладите.

– Поди ты, говорю, к псу, – бормочет утопленник, не сопротивляясь и как бы не замечая, что его поднимают и кладут на рогожу. – Мы не желаем.

– Ничего, ничего, друг, – говорит ему писарь, – не пужайся. Мы тебя малость покачаем и, бог даст, придешь в чувство. Сейчас приедет урядник и составит протокол на основании существующих законов. Качай! Господи благослови!

Восемь дюжих мужиков, в том числе и сотский Анисим, берутся за углы рогожи; сначала они качают нерешительно, как бы не веря в свои силы, потом же, войдя мало-помалу во вкус, придают своим лицам зверское, сосредоточенное выражение и качают с жадностью и с азартом. Они вытягиваются, становятся на цыпочки, подпрыгивают, точно хотят вместе с утопленником взлететь на небо.

– Рраз! раз! раз! раз!

Вокруг них бегают куцый писарь и, вытягиваясь изо всех сил, чтобы достать руками рогожу, кричит не своим голосом:

– Шибче! Шибче! Все сразу, в такт! Раз! раз! Анисим, не отставай, прошу тебя убедительно! Раз!

Во время короткой передышки из рогожи показываются всклокоченная голова и бледное лицо с выражением недоумения, ужаса и физической боли, но тотчас исчезают, потому что рогожа вновь летит вверх направо, стремительно опускается вниз и с треском взлетает вверх налево. Толпа зрителей издает одобрительные звуки:

– Так его! Потрудитесь для души! Спасибо!

– Молодчина, Егор Макарыч! Потрудись для души, – это правильно!

– А уж мы его, братцы, так не отпустим! Как, значит, станет на ноги, в ум придет, – ставь ведро за труды!

– Ах, в рот те дышло с маком! Гляди-кась, братцы, шмелевская барыня с приказчиком едет. Так и есть. Приказчик в шляпе.

Около толпы останавливается коляска, в которой сидит полная пожилая дама, в рinсе-pez и с пестрым зонтиком; спиной к ней, на козлах, рядом с кучером, сидит приказчик – молодой человек, в соломенной шляпе. У барыни лицо испугано.

– Что такое? – спрашивает она. – Что это делают?

– Утоплого человека откачиваем! С праздником! Маленько выпивши, потому, собственно, такое дело – нынче попе-

рек всей деревни с образами ходили! Праздник!

– Боже мой! – ужасается барыня. – Они утопленника откачивают! Что же это такое? Этьен, – обращается она к приказчику, – подите, ради бога, скажите им, чтобы они не смели этого делать. Они уморят его! Откачивать – это предрассудок! Нужно растирать и искусственное дыхание. Идите, я вас прошу!

Этьен прыгает с козел и направляется к качающим. Вид у него строгий.

– Что вы делаете? – кричит он сердито. – Нешто можно человека откачивать?

– А то как же его? – спрашивает писарь. – Ведь он утоп-
лый!

– Так что же, что утопый? Обмерших от утонутя надо не откачивать, а растирать. Так в каждом календаре написано. Будет вам, бросьте!

Писарь конфузливо пожимает плечами и отходит в сторону. Качающие кладут рогожу на землю и удивленно глядят то на барыню, то на Этьена. Утопленник уже с закрытыми глазами лежит на спине и тяжело дышит.

– Пьяницы! – сердится Этьен.

– Милый человек! – говорит Анисим, запыхавшись и прижимая руку к сердцу. – Степан Иваныч! Зачем такие слова? Нешто мы свиньи, не понимаем?

– Не смей качать! Растирать нужно! Берите его, растирайте! Раздевайте скорей!

– Ребята, растирать!

Утопленника раздевают и под руководством Этьена начинают растирать. Барыня, не желающая видеть голого мужика, отъезжает поодаль.

– Этьен! – стонет она. – Этьен! Подите сюда! Вы знаете, как делается искусственное дыхание? Нужно переворачивать с боку на бок и давить грудь и живот.

– Поворачивайте его с боку на бок! – говорит Этьен, возвращаясь от барыни к толпе. – Да живот ему давите, только полегче.

Писарь, которому после кипучей, энергической деятельности становится как-то не по себе, подходит к утопленнику и тоже принимается растирать.

– Старайтесь, братцы, убедительно вас прошу! – говорит он. – Убедительно вас прошу!

– Этьен! – стонет барыня. – Подите сюда! Давайте ему нюхать жженные перья и щекочите... Велите щекотать! Скорей, ради бога!

Проходит пять, десять минут... Барыня смотрит на толпу и видит внутри ее сильное движение. Слышно, как пыхтят работающие мужики и как распоряжаются Этьен и писарь. Пахнет жжеными перьями и спиртом. Проходит еще десять минут, а работа все продолжается. Но вот, наконец, толпа расступается, и из нее выходит красный и вспотевший Этьен. За ним идет Анисим.

– Надо было бы с самого начала растирать, – говорит

Этьен. – Теперь уж ничего не поделаешь.

– Где уж тут поделать, Степан Иваныч! – вздыхает Анисим. – Поздно захватили!

– Ну, что? – спрашивает барыня. – Жив?

– Нет, помер, царство ему небесное, – вздыхает Анисим, крестясь. – О ту пору, как из воды вытащили, подвижность в нем была и глаза раскрывши, а теперича закоченел весь.

– Как жаль!

– Значит, планида ему такая, чтоб не на суше, а в воде смерть принять. На чаек бы с вашей милости!

Этьен вскакивает на козла, и кучер, оглянувшись на толпу, которая сторонится от мертвого тела, бьет по лошадям. Коляска катит дальше.